

Под некоторыми фотографиями стоять даты. На снимке времён пятого класса начальной школы рядом с Цзян Хуаем появляется двух-трёхлетняя хромёная девочка. Цзян Синсин ни капли не похожа на Цзян Хуая — она словно возникла из ниоткуда.

Цзян Хуай отпустил длинные волосы. На одном из общих снимков он стоит с ледяным лицом и раздражённо хмурится в камеру. Его волосы отросли настолько, что их уже можно собрать в маленький хвостик, а вот Цзян Синсин, наоборот, остригли под горшок — так коротко, что и не завяжешь.

Фотография с выпускного начальной школы, фотография с выпускного средней... Кажется, на всех снимках у Цзян Хуая одно и то же выражение лица: холодное и немного брезгливое.

Страница за страницей, пока не открылась самая свежая. Внизу стояла дата: это лето.

Цинь Юйхэ обнимает Цзян Хуая за шею, широко осклаившись в белоснежной ослепительной улыбке, и показывает в камеру знак «V». Цзян Хуай, придавленный его рукой, сильно хмурит брови, едва способный поднять голову, и с мрачным видом пытается отпихнуть Цинь Юйхэ локтем. С другой стороны Вэй Хэпин, положив руку на второе плечо Цзян Хуая, сияет от счастья и улыбается в объектив.

Бо Цзянь долго разглядывал этот кадр.

Прошлые Цзян Хуая — то чужое, совсем незнакомое ему прошлое — казалось, выстроилось перед ним в простую цепочку из нескольких фотографий. Ни одна из точек на этой линии не была ему знакома, и ни на одной не осталось его следа.

Бо Цзянь перевернул страницу.

Следующая была пустой.

Когда Цзян Хуай вернулся с пакетами из супермаркета, в гостиной никого не оказалось. А-Цай не выходила, а председатель Бо словно сквозь землю провалился.

Цзян Хуай разулся, поставил пакеты и пару раз постучал в дверь А-Цай. Ответа не последовало. Он приоткрыл дверь на ширину щели: на кровати А-Цай возвышался небольшой холмик, из-под которого торчала её макушка, а рядом с головой валялась кучка пестрых мелких неопознанных деталек.

А-Цай сладко спала.

Цзян Хуай вернулся к себе в комнату.

Бо Цзянь сидел за его письменным столом и что-то увлеченно писал.

На улице уже стемнело. Шторы были задернуты, и холодный свет настольной лампы отбрасывал на его пальцы ледяной белый отблеск, придавая им гладкость и гляцевый блеск нефрита. Цзян Хуай бесшумно подошел ближе, подумав про себя: уж не решил ли председатель Бо проявить небывалую доброту и сделать за него домашнее задание?

Но когда Цзян Хуай подошел, никаких тетрадей с заданиями он на столе не увидел. Зато заметив свой старый фотоальбом, которым пользовался уже не первый год.

Бо Цзянь несколькими штрихами нарисовал на пустой странице двух человечков.

Один с короткими волосами, другой с косичкой, и оба держатся за руки. Тот, что с косичкой, широко улыбается, а короткостриженный выглядит весьма неприступным.

Уверенным и ровным почерком Бо Цзянь подписал рядом с косичкой «Цзян Хуай», а возле коротких волос — «Бо Цзянь».

Цзян Хуай: «...»

— Чем ты занимаешься? — спросил он.

Заканчивая последний штрих в иероглифе «Цзянь», Бо Цзянь не поднимая головы неторопливо ответил:

— Рисую тебя и себя.

— Ерунда... Я спрашиваю, с какого перепугу ты рисуешь в моем альбоме? Бумаги не нашел? — Цзян Хуай нахмурился и потянулся, чтобы выхватить альбом. — Отдай... Или сам вырви эту страницу.

Бо Цзянь прижал альбом ладонью и поднял взгляд:

— Нельзя рвать.

— Это фотоальбом, председатель, а не черновик.

— Я знаю.

— Знаешь и все равно, блядь, рисуешь?

— У меня нет с собой нашей фотографии, — тихо произнес Бо Цзянь. — Разве нельзя нарисовать?

Цзян Хуай нахмурился, не совсем понимая:

— Что ты сказал?

— Я хочу, чтобы в твоём альбоме была наша с тобой фотография, — сказал Бо Цзянь.

Цзян Хуай нахмурился ещё сильнее:

— Зачем?

Бо Цзянь приподнял веки. В его светлых глазах мелькнула мягкая улыбка:

— Потому что я думаю, что в этом альбоме собраны те, кто тебе действительно дорог.

Сердце Цзян Хуая на мгновение замерло.

Ему хотелось усмехнуться и спросить: «И ты решил, что ты мне дорог?» Но Цзян Хуай так и не произнес этого вслух. Он отвел взгляд от Бо Цзяня и с наигранным раздражением пробормотал:

— И поэтому ты решил накалякать рисунок? Ты что, маленький?

Бо Цзянь разгладил страницу альбома:

— Вовсе нет.

— Детский сад какой-то, — холодно отрезал Цзян Хуай.

Бо Цзянь отвернулся и снова наклонился над пустой страницей, чтобы что-то дописать.

Цзян Хуай мельком глянул.

Председатель Бо пририсовал к имени «Цзян Хуай» ещё один иероглиф «Хуай», а к «Бо Цзянь» — ещё один «Цзянь».

Цзян Хуай превратился в Цзян Хуайхуай, а Бо Цзянь — в Бо Цзяньцзянь.

— Вот теперь детский сад, — произнёс Бо Цзяньцзянь.

Цзян Хуай: «...»

Бо Цзяньцзянь ненадолго задумался, глядя на Цзян Хуайхуая, и спросил:

— Кстати, можно я сегодня останусь у тебя? Дома у меня...

— Нет. Поешь и проваливай.

Этот семестр выдался очень коротким — Новый год по лунному календарю наступал невероятно рано.

Не прошло и трех недель после ежемесячных проверочных, как подоспели промежуточные экзамены. Учителя по всем предметам всю неделю впопыхах гнали программу: материалы для подготовки и контрольные тесты сменяли друг друга, осыпаясь на учеников словно снегопад.

Из-за экзаменов школьный турнир по баскетболу приостановили на две недели. Баталии на школьном форуме по поводу рейтинга команд тоже временно утихли.

Сам промежуточный экзамен выпадал на следующую неделю, а на этой параллель ждал пробный экзамен.

Пробных было два. Второй представлял собой обычную самостоятельную работу в классе без общих рейтингов, зато первый был самым настоящим полноценным экзаменом: всю параллель распределили по аудиториям, заранее разбив учащихся по номерам на сорок групп.

Цзян Хуай по своему номеру попал в аудиторию № 40.

Он был 1534-м, а Чжао Тяньцин — 1535-м. Братья по несчастью сидели друг за другом.

Из-за бесконечных пробников загружены были и учителя, и ученики. Помимо подготовки к экзаменам, студенческому совету нужно было спланировать и организовать финалы школьного турнира по баскетболу, которые должны были начаться сразу после экзаменов.

Председатель студенческого совета был занят больше всех: крупные собрания сменялись мелкими каждый день.

Цзян Хуай постоянно спал на уроках и, просыпаясь, порой не замечал никого за соседней

партой.

Только в понедельник перед окончанием уроков старина Линь вызвал его вместе с Бо Цзянем на классном часе к доске — зачитать без бумажки объяснительные за то, что на прошлой неделе они шлялись по Восточному корпусу. Только тогда Цзян Хуай оказался совсем близко к Бо Цзяню.

В классе у всех лица вытянулись от шока.

Бо Цзянь же оставался абсолютно невозмутим. Не изменившись в лице, он вышел к доске и, словно произнося речь на линейке под поднятие флага, отчеканил глубокое раскаяние за свое неподобающее поведение в Восточном корпусе.

Цзян Хуай стоял рядом, ожидая своей очереди.

В классе царила звенящая тишина — казалось, затих даже скрип стульев и парчовых ножек, звучал только голос Бо Цзяня.

— ...Я глубоко осознал свою ошибку, когда на прошлой неделе во время уроков мы с Цзян Хуаем направились в Восточный корпус корпуса Сюэли и не сразу признали вину, когда завуч нас остановил...

Голос Бо Цзяня звучал мягко и размеренно, словно чистый ручей. Именно таким тоном он обычно и вешал людям лапшу на уши.

Цзян Хуай слегка опустил голову.

Бо Цзянь зачитывал объяснительную, а в голове у Цзян Хуая раз за разом вспыхивала сцена их поцелуя на крыше.

Бо Цзянь не стал отталкивать Цзян Хуая. Держа его за плечи, он медленно опустил его на пол. Край рубашки Цзян Хуая задрался, мышцы на животе напряглись под чужой ладонью и слегка задрожали.

Вязкий влажный звук, взмокшие ладони...

И что всё это значило?

Как расценивать подобный поступок?

Дружеский жест?

Цзян Хуай клялся себе, что никогда бы не сделал ничего подобного ни с Вэй Хэпином, ни с Цинь Юйхэ. Да и Вэй Хэпин с Цинь Юйхэ без колебаний отпихнули бы его в ту же секунду и решили бы, что он окончательно сбрендил.

Цзян Хуай чувствовал себя полнейшим дураком.

Слова, готовые сорваться с языка, он так и не произнес. А теперь, когда с того момента прошел словно целый век, снова поднимать эту тему казалось глупым и некстати.

Все вопросы, с которыми Цзян Хуай не мог разобраться, он предпочитал просто игнорировать, будто ничего и не было.

Ораторский ритм Бо Цзяня всегда был безупречен — даже зачитывая признание вины, он выдерживал идеально четкие паузы.

Он смотрел на одноклассников в классе. Но точно знал, что Цзян Хуай не сводит с него глаз.

В эти пару дней у студенческого совета было неуворот дел. Едва закончив с объяснительной, Бо Цзянь должен был бежать на очередное собрание. На этой неделе у него были заняты даже обеденные перерывы. Уроки, повторение, домашние задания, а следом — пробные промежуточные экзамены.

В воскресенье ему так и не удалось заночевать в постели Цзян Хуая.

Бо Цзянь сделал короткую паузу и тихо вздохнул. Слегка повернув голову, он косо глянул на Цзян Хуая.

Цзян Хуай нахмурился, но продолжал пристально смотреть на него.

«Не смотри на меня так», — подумал Бо Цзянь.

Когда Цзян Хуай смотрел на него столь в упор... ему безумно хотелось его поцеловать.

* * *

Примечание автора: Цзян Хуай: Ну давай, попробуй.

Заканчивая речь, Бо Цзянь слегка поклонился и повернулся, чтобы сойти с кафедры.

Цзян Хуай отвел взгляд, поправил воротник и пошел к доске. Бо Цзянь прошел мимо, не поворачивая головы.

При пересечении их плечи слегка столкнулись. На глазах у сорока с лишним одноклассников и старины Линя только Цзян Хуай почувствовал, как Бо Цзянь на самое мгновение зацепил его мизинец своим и тут же отпустил.

Цзян Хуая внезапно обдало тайным, острым волнением. Он издал короткий звук «цэк», но головы не повернул.

Пусть он грязный, пусть он псих, но он был абсолютно уверен: этот примерный ученик изо дня в день его провоцирует.

Провоцирует даже тогда, когда у него нет периода метки.

...И делает это даже без помощи феромонов.

<http://bllate.org/book/18377/1766591>